

XX Международные Лихачевские научные чтения
«Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка»
г. Санкт-Петербург, 9-10 июня 2022 г.

Доклад
**«"АКСИОЛОГИЯ" НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ
В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»**

Хабриева Талия Ярулловна

директор Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента РАН,
академик РАН, действительный член Международной академии
сравнительного права (IASL, штаб-квартира – Париж, Франция),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный юрист Республики Татарстан

Вызовы времени и роль права в их преодолении

Д.С. Лихачев открывает свою замечательную книгу «Человек в литературе Древней Руси» утверждением: «Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества»¹. Антропоцентризм выдающегося ученого и гуманиста можно смело отнести и ко всем явлениям мировой цивилизации, одним из достижений которой является право.

Сейчас, когда мы являемся свидетелями глубоких трансформаций цивилизации – беспрецедентной глобализации современного мира, компьютеризации потоков информации, технологизации и «цифровизации» самого бытия человека, возникает вопрос: стало ли это бытие более гармоничным и безопасным? На фоне техногенных катастроф и природных

¹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. Спб., 2015. С. 5.

катаклизмов, пандемии и усиления международной напряжённости ответ кажется не очень оптимистичным. И наши взоры вновь обращаются к испытанному средству гармонизации общественных отношений – праву.

Современный человек, сознаёт он это или нет, пребывает в многомерном правовом измерении: международно-правовом, региональном, государственном, локальном. Каждый уровень правового массива находится в динамичном состоянии и стремится дать ответы на вызовы нашего времени.

Международное право: от фрагментации к кризису

Процессы диверсификации и расширения сферы международного права привели к его фрагментации, которая стала проявляться в росте специализированных норм (например, норм *lex specialis* судебных прецедентов) и нормативно-правовых систем (таких, как «автономное» право ЕС), не имеющих четкой взаимосвязи между собой и не связанных с основными принципами международного права. В этом явлении справедливо усматривают угрозу целостности международного права и его системе.

С 90-х годов XX века до настоящего времени наблюдаются более тревожные симптомы, сигнализирующие об утрате универсальности международного права. Первоначально предпринимались попытки закрепить верховенство международного права над политикой государств, которые завершились провалом. Вместе с тем более отчетливо наметился тренд трансформировать международное право в однополярную нормативную систему, управляемую из единого центра (точнее, из государства-лидера). Использование военной силы в так называемых гуманитарных целях, особенно в обход Совета Безопасности ООН, стало символом отказа группы ведущих государств мира от основополагающих основ международного права. Приращение роли государственного суверенитета и почти полное игнорирование принципа невмешательства во внутренние дела – явные признаки замещения международного права неким суррогатом – глобальным (или мировым) правом. Можно констатировать, что международное право не

только вступило в полосу серьезного кризиса, но и подошло к гибели своей модели, сформированной на основе Устава ООН.

Каким может быть ответ государств, не желающих мириться с навязываемым миру «глобальным квазипорядком». Сегодня главная задача – возродить категорический императив согласительной природы международного права, которое во все времена было правом согласия. Нужно добиваться того, чтобы международные отношения строились только на основе равноправия и уважения суверенитета государств. Становится все более очевидным, что многополярность в международной системе является не только желательным, но и необходимым условием возрождения международного права, основанного на Уставе ООН, и преодоления его нынешнего кризисного состояния.

Существующая теория международного права, созданная главным образом на основе Устава ООН и соответствующих международных договоров, ориентирует государства на внедрение международных норм в национальное право различными способами².

В связи с этим во многих странах продолжаются дискуссии о соотношении международного и внутригосударственного права, в том числе о верховенстве национальных конституций в праве государств. Немало конституций утверждают в том или ином виде верховенство конституции по отношению к международному договору или более широко – к международному праву в целом.

Конституционная практика большинства развитых западных государств исходит из верховенства конституции над международным правом. Нюансы могут встречаться в конституционном регулировании этого вопроса в государствах, которые относятся к системе общего права. В них такие положения чаще формулируются в решениях высших судебных инстанций. Например, практика Верховного суда США определенно свидетельствует о

² Лазарев В.В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9.

том, что Конституция обладает верховенством в отношении заключаемых федерацией договоров, а нормы Конституции имеют преимущественную силу в отношении положений международного договора³.

Во Франции заключение международного договора или соглашения, содержащего положения, противоречащие Конституции, возможно только при условии ее пересмотра. В то же время Государственный совет Франции еще в Решении от 30 октября 1998 года занял предельно четкую позицию, в соответствии с которой «закрепленное в ст. 55 Конституции Французской Республики верховенство норм международного права не применяется во внутреннем правопорядке к конституционно-правовым нормам»⁴. В Федеративной Республике Германии международные договоры имеют статус федерального закона и должны соответствовать Конституции. Если они противоречат Основному закону, то они остаются действительными в международно-правовом отношении, но не могут быть применены во внутригосударственной сфере без внесения изменений в Основной закон.

В конституциях других регионов мира также немало примеров закрепления, иногда в оригинальной форме, верховенства Основного закона. Так, в Конституции Мексики предусмотрено, что законы Национального конгресса, изданные на основе Конституции, и все договоры, соответствующие ей, составляют верховное право всей федерации. Верховный суд Мексики в дополнение к этому установил, что международные договоры обладают приоритетом перед федеральными законами и законами штатов, но уступают Конституции. Близкая по смыслу формула закреплена в Конституции Туниса 2014 г.: «международные соглашения, одобренные и

³ См. подробнее: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России) / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2013. С. 528–529.

⁴ См.: Маклаков В.В. Конституционный контроль и защита прав и свобод человека в современной Франции. М.: ИНИОН РАН, 2015.

ратифицированные парламентом, имеют приоритет перед законами, но не перед Конституцией»⁵.

В связи с этим возникает еще один вопрос о статусе и отношении национальной правовой системы к международному договору, в котором государство прекращает свое участие. На первый взгляд, все просто: нет договора – нет проблемы, т.е. договор, прекративший действие на территории России, больше не будет рассматриваться как часть его правовой системы и на него не распространяются положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Федеральное законодательство предусматривает, что прекращение международного договора Российской Федерации освобождает Россию от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем и не влияет на права, обязательства или юридическое положение Российской Федерации, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения. Однако характер и содержание договора, а также сопутствующие обстоятельства могут повлиять на процесс прекращения международных обязательств.

Современные реалии продемонстрировали актуальность для международного и конституционного права вопроса о прекращении действия норм ряда международных договоров на территории государства. Пример у всех на слуху: вынужденный выход России из Совета Европы, объявленный 15 марта 2022 г., позволял тем не менее завершить процедуру прекращения членства в этой международной организации с 1 января 2023 г. В этом случае Россия могла бы денонсировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) с 15 сентября 2022 г. Однако резолюция Комитета министров Совета Европы от 16 марта 2022 г. с этой же даты прекратила членство России в международной организации, что повлекло и

⁵ Конституция Туниса была предметом рассмотрения Венецианской комиссии Совета Европы – см. CDL-AD (2015) 032 Opinion on the Final Draft of the Constitution of the Republic of Tunisia, adopted by the Venice Commission at its 96-th Plenary Session (Venice, 11-12 October 2013). Характерно, что Комиссия не сделала замечаний по поводу положения о верховенстве Конституции в правовой системе страны.

автоматическое прекращение действия всех международных договоров, открытых только для государств-членов.

При этом необоснованное исключение было сделано для ЕКПЧ, действие которой для России, а следовательно, и юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) продлено еще на 6 месяцев – до 16 сентября 2022 г. Россия (проект федерального закона «О прекращении действия международных договоров Совета Европы и признания утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ») сочла необходимым прекратить действие ЕКПЧ, как и других двадцати договоров, с 16 марта 2022 года. Таким образом, решения ЕСПЧ по жалобам, принятым после 16 марта текущего года, рассматриваться в России не будут.

Выход из Совета Европы и денонсация 21 документа (Устава, Генерального Соглашения о привилегиях и иммунитетах Совета, протоколы к нему, ЕКПЧ и 10 протоколов к ней, а также трех конвенций) повлекли за собой не только принятие соответствующего закона, но и признание утратившими силу 9 федеральных законов (ратификационных), внесение изменений в 9 кодексов, 2 федеральных закона и 4 указа Президента РФ.

Таким образом, только после надлежащего выполнения всех процедур изменения российского законодательства в связи с выходом России из Совета Европы можно будет считать, что соответствующие договоры не являются составной частью российской правовой системы.

Встречается мнение о том, что помимо решения юридико-технических вопросов прекращения действия договоров Совета Европы, необходимо в целом определиться с оставшимся от него ценностным наследием, «следы» которого будут проявляться в российской правовой системе. Видимо, речь не может идти об «искоренении» из правовой системы государства ценностного каталога, закрепленного не только в конвенциях Совета Европы, но и в иных международных договорах и международных актах, которые сохраняют силу для России. При этом следует сохранить ценностные достижения, имеющие более широкий горизонт закрепления (ООН, СНГ, ШОС, БРИКС и т.д.), уже в

качестве императивов общего международного права без привязки к конкретным механизмам их прошлой имплементации и в качестве общепризнанных принципов и норм международного права с учетом и опорой прежде всего на Конституцию страны⁶.

Право интеграционных объединений: императивы политики и экономики

В отличие от общего международного права, которое находится в кризисе и в поиске решений и ответов на современные вызовы, не все международные уровни правового массива находятся в таком же состоянии. Международное интеграционное право, которое иногда называют наднациональным, становится объектом пристального внимания не только юридической науки, но и государств. Носителем и «законодателем» данного наднационального права выступают региональные международные организации, которые в ряде случаев носят интеграционный характер, т.е. наделены наднациональными полномочиями. В отличие от универсальных международных организаций, в которых участвует большинство государств мира и которые наделены достаточно сложным и неэффективным механизмом принятия решений, региональные международные организации, как правило, более компактны по своему составу, у них более современные и гибкие институционные механизмы, призванные в кратчайшие сроки достигать поставленных целей. Правда, намечается тенденция, которую еще предстоит оценить. Это формирование неких региональных международных анклавов закрытого типа,

⁶ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5, Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1, Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020, Морозов А.Н., Каширкина А.А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. № 1.

к которым относится Европейский Союз и в последнее время все очевиднее примыкает Совет Европы.

Россия является поборником равноправного и справедливого международно-правового регионализма, что проявляется в ее стратегии по участию в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), СНГ, ШОС, БРИКС. Международные интеграционные объединения (ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси) – важные инструменты обеспечения международной и региональной экономической устойчивости, преодоления мировых экономических кризисов и минимизации их последствий, оказывают ощутимое воздействие на экономический рост государств-членов в случае эффективного функционирования самого межгосударственного интеграционного объединения. Это объясняется тем обстоятельством, что в рамках межгосударственного объединения, как правило, посредством международных договоров создается особое международно-правовое и экономическое пространство, которое в период глобальных кризисов призвано оставаться пространством безопасности и устойчивости, благодаря заложенному в международно-правовых актах арсеналу средств сотрудничества на более тесной и взаимоподдерживающей основе⁷.

На наш взгляд, поступательное развитие интеграции требует от государств постепенного наращивания интеграционного взаимодействия, т.е. углубления и расширения сфер сотрудничества за счет включения в матрицу правового регулирования новых параметров и форматов⁸. Разумеется, такие параметры и форматы интеграционного взаимодействия государств в рамках

⁷ См. подробнее: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8; Хабриева Т.Я. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47), Тиунов О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8; Курбанов Р.А. Евразийское право Теоретические основы: монография. М., 2015; Курбанов Р.А. Евразийская интеграция в контексте мировой глобализации: современные тренды и тенденции развития // Вестник экономической безопасности. 2020, №1. С. 133-141.

⁸ Каширкина А.А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11.

международного объединения или международной организации немыслимы без международно-правовой составляющей, а, в конечном счете - без договоренностей государств о новых сферах и формах сотрудничества в рамках межгосударственного интеграционного объединения.

Происходит весьма активное наращивание на региональном уровне массива так называемого интеграционного права, вступающего в конкуренцию, а подчас и в конфликт, с нормами международного права. Так, в ряде своих постановлений Суд Европейского союза открыто высказался в пользу приоритета «права сообщества» над международным правом⁹. Однако эта концепция не может быть поддержана безоговорочно, потому что такой подход открывает путь для злоупотребления правом (пусть даже интеграционным) в ущерб интересам третьих государств и других международных организаций. ЕАЭС, к примеру, занимает противоположную позицию, закрепляя в преамбуле учредительного договора приверженность государств-членов и Союза целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права.

В то же время в условиях деформации международного правопорядка, усиления международной и политической конфронтации, очень важно сохранить международно-правовые основы для позитивного развития международной и региональной интеграции¹⁰. При этом нельзя отрицать, что существующая интеграционная повестка демонстрирует обострение во всех общемировых процессах процесса регионализации, пришедшего на смену глобализации.

В целом регионализация является феноменом, укладывающимся в логику диалектических процессов, и приходит на смену глобализации в тех случаях, когда глобализация перестает двигаться по восходящей линии

⁹ См., например: *Flaminio Costa v ENEL* (1964), Case 6/64. Judgment of the Court of 15 July 1964.

¹⁰ По этому вопросу см.: Тихомиров Ю.А. Способы преодоления критических ситуаций как деформирующего фактора развития государств и мирового сообщества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1.

цивилизационного развития. В этом случае регионализация объективно является некоторым «отчуждением» от достижений цивилизации человечества в общемировом смысле. К тому же феномен регионализации является для напряженных международных отношений «траекторией спасения», позволяющей избежать противоборства глобальных игроков в жестких форматах. Так или иначе, регионализм может выступать и политической альтернативой, и экономической площадкой роста нового международного сотрудничества с государствами, которые долгое время находились в тени мировой политики и экономики. Это в полной мере относится и к феномену региональной интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также организаций международного сотрудничества типа ШОС и БРИКС, не являющихся в строгом смысле слова интеграционными объединениями, но обладающими некоторыми их характеристиками.

При этом сохранение функционирования межгосударственных интеграционных объединений на региональном уровне, а также развитие международно-правового регулирования интеграционных отношений в условиях деформации мирового правопорядка ставит, в свою очередь, для государств вопрос о модернизации законодательства и конституционных норм. Примечательно, что за последние два-три года во всех государствах ЕАЭС значительно обновлены как конституции, так и текущее законодательство.

Можно заключить, что императивы политики и экономики побуждают многие государства искать точки опоры в интеграционных региональных объединениях и в интеграционном праве. Неслучайно интеграционная динамика проявляется не только в Европе, но и в Центральной и Южной Америке, Африке, Юго-Восточной Азии.

Конституция как прибежище социальной стабильности.

В условиях масштабного глобального конфликта по разным направлениям и неясности контуров нового мирового порядка важнейшим

элементом внутренней стабильности каждого общества остаётся основной закон государства – конституция. Пожалуй, в правовом отношении это самая надёжная точка опоры. Она даёт основные направления развития общества и закладывает прочный фундамент регуляторов общественных отношений.

Стратегические ориентиры новой парадигмы суверенного ценностно ориентированного конституционного развития восприняты и Россией. Практика конституционных поправок до последнего времени по сравнению со многими другими странами, осуществившими полномасштабные конституционные реформы, была менее радикальной¹¹. Конституционные преобразования в Российской Федерации происходили путем точечных изменений Основного Закона и раскрытия его потенциала посредством правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также законотворчества¹².

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. по сути была провозглашена стратегия дальнейшего конституционного и государственно-правового развития, базирующаяся на ценностях техногенной цивилизации и коллективистского общества, а также на приоритете социокультурной специфичности российского общества.

Широкая дискуссия, развернувшаяся в ходе подготовки поправок в Конституцию Российской Федерации, продемонстрировала общественный запрос на отражение в Основном Законе «конституционной самобытности» и ряда других ценностных и морально-нравственных ориентиров.

Инициатива Президента РФ, которая была реализована в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

¹¹ См. подробнее: Конституция 1993 года: была ли альтернатива: материалы круглого стола (Москва, 16 января 2019 г.) / Т.Я. Хабриева, М.В. Кротов, В.Н. Плигин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2020.

¹² Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН, 2020, Т. 90, № 5, С. 403-414.

функционирования публичной власти»¹³, дала старт пусть не конституционной реформе¹⁴, но все же преобразованиям, по своему значению, масштабам и глубине приближающимся к ней¹⁵. Их осуществление повлекло:

– расширение ценностного каталога Основного Закона, более рельефное отражение в нем исторических истоков, духовных традиций и собственных идеалов российского общества;

– модернизацию системы социальных прав граждан и юридических гарантий;

– корректировку форм публичной власти, придание ей новых очертаний в связи с ощутимой коррекцией корреспондирующего этой форме содержания;

– своеобразный тюнинг механизма государства и осуществления публичной власти, а также технологических процессов формирования и осуществления государственной политики, установление новых параметров порядка функционирования системы публичного управления;

– изменение в конфигурации дихотомии национальной правовой системы, соотношения ее открытости и защищенности от негативного внешнего воздействия, посредством встраивания в Конституцию и конституционное законодательство новой (но уже апробированной благодаря деятельности Конституционного Суда РФ) формулы соразмерности универсальных и национальных правовых ценностей, принципов и норм.

¹³ См. подробнее: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

¹⁴ О признаках и чертах конституционной реформы, а также других разновидностях конституционных преобразований см.: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016; «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. М., 2018; Khabriéva T. La réforme constitutionnelle dans le monde contemporain. Paris: «Société de législation compare», 2019.

¹⁵ Хронику проведения конституционных преобразований см.: Конституционная модернизация – 2020 и Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // https://izak.ru/img_content/content/books/konstitucionnaya-modernizaciya-2020-2.pdf

В результате состоявшихся на разных уровнях обсуждений, включая общественную дискуссию и дебаты в палатах Федерального собрания, в обновленной Конституции 1993 г. нашел отражение или получил особое звучание ряд общественно значимых институтов и ориентиров, которые значительно расширили и углубили ценностное содержание Конституции. Среди них следует выделить:

– социокультурные и духовные ценности – основа национальной (государственной) идентичности и самоидентификации российского народа: многонациональный союз равноправных народов, объединенных тысячелетней историей; преемственность в развитии российского государства; исторически сложившееся государственное единство; государственный (русский) язык как язык государствообразующего народа; равноправие всех народов России; общероссийская культурная идентичность; культура как уникальное общее наследие при сохранении культурной самобытности народов, этнокультурного и языкового многообразия; сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; историческая правда и ее защита; патриотизм, гражданственность, почитание памяти о защитниках Отечества, значение подвига народа при защите Отечества; традиционные для России семейные ценности – брак как союз мужчины и женщины; обеспечение приоритета достойного семейного воспитания; уважение к родителям и старшим и забота о них, солидарность поколений;

– ценности общественного (в том числе социально-экономического) развития: устойчивый экономический рост; передовое научно-технологическое развитие; социально ориентированная государственная политика; «ценностное» отношение к труду и уважение человека труда; социальное партнерство; общественное и индивидуальное здоровье и формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью;

– экологические ценностные ориентации: сохранение природного и биологического разнообразия страны, обеспечение экологической безопасности, экологическое воспитание. Регламентация этих положений направлена в том числе на установление оптимального баланса индивидуальной свободы и общественных, публичных интересов;

– социально-политические ценности: гражданский мир и согласие в стране; экономическая, политическая и социальная солидарность; развитие гражданского общества и поддержка его институтов, включая некоммерческие организации; международный мир и безопасность; мирное сосуществование государств и народов. Перечисленные ценности ранее не возводились на уровень конституционного регулирования в Российской Федерации, за исключением ряда положений внешнеполитического раздела Конституции РСФСР 1978 г. (где имеется ссылка на Конституцию СССР);

– государственно-правовые ценности: принцип правопреемства (правопродолжательства) в отношении Союза ССР, закрепляющий российскую конституционную идентичность во внутригосударственном и международном пространстве; принцип единства публичной власти. В связи с тем что система разделения властей, включающая «сдержки и противовесы», является одним из признаков правового государства и представляет собой ценность политического, государственно-правового характера, можно констатировать и определенные изменения в этой системе¹⁶.

Наряду с перечисленным усилены акценты на таких, ранее закрепленных в Основном Законе ценностях, как суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, предпринимательство и частная инициатива.

В числе прямо не упоминаемых в качестве ценности, но присутствующих в тексте Конституции (что можно определить посредством

¹⁶ Хабриева Т.Я. Право и новые стратегии цивилизационного развития / Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права: наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 62-64.

систематического толкования ее норм) – сильное, независимое государство, соответствующее российской ментальной традиции. Важнейшая часть любой Конституции – закрепление на высшем правовом уровне норм о суверенитете государства. В общем контексте, который закрепляет и углубляет понимание концепции суверенитета Российской Федерации и внешней политики государства, следует рассматривать новые формулировки статей о правопреемстве (правопродолжательстве), об укреплении международного мира и безопасности, об участии в международных договорах¹⁷.

Вполне корректно оценивать в том же контексте регламентацию Конституцией вопросов, связанных с усилением охраны самой Конституции, сохранением ее авторитета и приоритета в правовой системе страны, с невмешательством во внутренние дела российского государства. Российская Федерация, будучи суверенным государством, обладающим всеми полномочиями по определению конфигурации собственной правовой системы, ранее закрепила в ч. 1 ст. 15 и далее будет реализовывать примат Конституции над теми нормами международного права, которые ей не соответствуют. Прежде всего, это касается вопроса истолкования межгосударственными органами положений международных договоров, которое противоречит Конституции РФ.

В поиске новых стратегий правового развития как на мировом, так и на национальном уровне центральное место в большинстве государств занимает мировоззренческая проблематика, отражающая защиту национального суверенитета и культурной идентичности. Для России она чрезвычайно актуальна. Сейчас, когда в Основном Законе ценностные маркеры, наконец, расставлены, можно двигаться дальше – настраивать правовую систему Российской Федерации в унисон с конституционализированными духовными,

¹⁷ См. подробнее: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021.

морально-нравственными и политико-правовыми ориентирами. Это позволит Конституции России занять собственное достойное место в мировом конституционном пространстве и обеспечить успешное преодоление недостатков и деформаций международного правопорядка.

Ценностные ориентиры современных обществ и их закрепление в конституциях.

Конституционная реформа 2020 года в России обострила интерес к аксиологической (ценностной) составляющей Основного Закона. Как известно, в текст Конституции были внесены изменения, касающиеся исторического наследия страны, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, защиты института брака и семьи, социальных гарантий и т.д. По утверждению некоторых критиков либерального направления, акцент на коллективной идентичности в обновлённой российской Конституции якобы отражал попытки «замедлить возникновение современного общества в России»¹⁸. На самом деле усиление ценностных элементов в современном конституционализме является общемировым трендом.

В новых или обновленных конституциях неевропейских стран начинают проявляться тенденции, выражающиеся в преодолении исключительно либеральной, считавшейся «универсальной», ценностной модели. Государства все чаще отстаивают не только политический, но и «ценностный» суверенитет. Как представляется, отход от классических принципов западного либерализма в пользу защиты собственного суверенитета и ценностей собственного развития будет ускоряться, поскольку провозглашенные Западом «универсальные», «общечеловеческие» идеалы в современной международной обстановке оказались не более, чем декларациями. Даже ценности, связанные с неотъемлемыми правами человека (свобода,

¹⁸ Бланкенагель А. Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? (на англ. яз.) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022, №1. С. 73.

собственность, безопасность), оказались отрицаемыми и легко нарушаемыми на практике.

История мирового конституционализма неразрывно связана с аксиологической оценкой конституции как основного закона в государстве. По выражению одного из основоположников социологической школы Эмиля Дюркгейма, одной из задач любой конституции является «перевод представлений о ценностях того или иного общества на язык права». Более того, согласно концепции Дюркгейма, сама жизнеспособность общества определяется тем, есть ли у него идеалы и высшие ценности¹⁹.

Уже первые в мире конституционные акты 17-18 вв. в Англии, США, Франции содержали указание на основные принципы и ценности революционного либерализма – верховенство закона, парламентаризм, разделение властей, естественные и неотчуждаемые права человека, среди которых главными представлялись свобода, равенство, собственность, сопротивление угнетению.

Либеральные индивидуалистические конституции 18-19 веков были в 20 веке массово заменены конституциями, закрепившими ценностную концепцию «социального» и «правового» государства. Появились и социалистические конституции, основанные на ценностях, отрицающих или трансформирующих западную либеральную идеологию.

В настоящее время постепенная смена вектора мирового цивилизационного развития в сторону многополярного мира (которая, как мы видим, сталкивается с огромными препятствиями) формирует предпосылки для появления новых конституционных ценностных ориентиров. Эти ориентиры в большей степени учитывают историческое разнообразие культур и национальных правовых систем. Данное явление особенно характерно для стран с древними и самобытными культурными традициями, таких как Китай,

¹⁹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Юрайт, 2019.

Индия, Россия, для арабо-мусульманского региона (особенно после революций «арабской весны»), для некоторых сообществ Африки.

Вполне закономерно, что первые два десятилетия 21 века ознаменовали новый этап массового обновления конституций в этих странах и регионах мира, которые исходят из новых стратегий своего развития на основе представлений о собственной социокультурной идентичности. Можно сказать, что социокультурная, ценностно-формирующая роль конституции как основного закона государства становится как никогда востребованной.

Эволюция мирового конституционализма в пользу усиленной защиты собственных ценностей и национальной идентичности особенно заметна на примерах конституций стран Латинской Америки, Африки и ряда азиатских государств. Даже некоторые страны Восточной Европы (например, Венгрия) вносят в свои конституции положения, которые во многом расходятся с западным либеральным мейнстримом (например, о браке как союзе мужчины и женщины, о роли христианства в сохранении нации, о сохранении уникального языка и культуры, об основных ценностях нации, среди которых верность, вера и любовь).

Если первые конституции стран Латинской Америки (Венесуэлы 1811 г., Аргентины 1819 г., Мексики 1822 г., Боливии 1826 г.) были сконструированы по французским или североамериканским «лекалам», то ныне они отличаются самобытностью, очень точно учитывают местные реалии и являются наиболее разработанными в аспекте закрепления различных социально-экономических ценностей, не имеющих аналогов в более ранних конституциях мира.

Большинство государств Африки после обретения независимости выбрали в качестве образцов конституционные институты бывших метрополий. Вместе с тем в самых последних конституциях Африки все чаще появляются установления, в значительной мере отражающие национальную специфику, национальную идентичность и культурное своеобразие этих

народов. Оригинальности добавляет роль обычного права в их правовых системах.

К особой группе африканских конституций можно отнести конституции государств преимущественно Северной и Центральной Африки, которые иногда именуется «исламскими». Многие из новейших конституций в данном регионе появились в результате революционных событий, именуемых «арабская весна»²⁰. Среди них – Конституция Марокко 2011 г., Конституция Республики Южный Судан 2011 г., Конституция Египта 2014 г., Конституция Туниса 2014 г. Помимо традиционных исламских ценностей в них закрепляются основы общественного и государственного строя, которые отражают специфику культурно-исторического развития этих стран. Так, Конституция Египта 2014 г. посвящает историческим особенностям и вкладу страны в мировую цивилизацию несколько страниц преамбулы.

Можно утверждать, что в конституциях Африки 21 века наблюдается существенное расширение пределов и объектов конституционной регламентации, стремление включить в конституцию все важные проявления общественной жизни и широкий круг морально-этических ценностей, которые ранее не были предметом правового (тем более, конституционного) регулирования. В африканских конституциях появляются также и специальные разделы об основных целях и принципах государственной политики и о «ценностях государства и нации»²¹.

²⁰ Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. М., 2018.

²¹ Следует также отметить, что многие термины, обозначающие исторические национальные институты и установления, стали включаться в новейшие африканские конституции непосредственно на национальных языках, без перевода на европейские языки. По этой причине при подготовке Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации многотомного издания «Конституции стран мира» приходилось давать либо подстрочный перевод этих терминов, либо комментариев к ним. См.: Конституции государств Америки: в 3 т. / Под ред. д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриевой. М., 2006; Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010; Конституции государств Африки и Океании: в 5 т. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2018–2022.

Представляется, что современные латиноамериканские и африканские конституции в части регламентации национальной идентичности и национальных конституционных ценностей во многом заслуживают внимания конституционалистов; они нередко превосходят в этом смысле конституции стран Запада и других регионов мира. В них есть указания на ценностные основы и принципы построения общества и государства, на главные цели и задачи государственной политики. Такое целеполагание в полной мере соотносится с одной из главных черт любой конституции – быть политическим и идеологическим программным документом. Далеко не все конституции мира отвечают этой задаче.

Ценностные ориентиры характерны для конституций всех государств СНГ. Помимо отсылок к общим ценностям, закреплённым в преамбулах, эти конституции устанавливают права на сохранение национальной и этнической самобытности (статья 56 Конституции Армении) и связи с диаспорой (статья 57), ответственность государства за сохранение национального исторического, культурного и природного наследия (статья 15 Конституции Туркменистана). Обновлённая Конституция Республики Кыргызстан содержит отдельную главу «Духовно-культурные основы общества» (раздел I, глава III). Характерно, что ни одно из указанных государств не берёт на себя миссию «нести свет своих ценностей» во внешний мир. Несколько иную картину мы наблюдаем в Европейском союзе.

Опыт Европейского союза показывает, что даже общепринятые ценностные ориентиры не всегда могут вести в верном направлении. Как известно, основополагающие ценности указанного объединения закреплены в статье 2 Договора о Европейском союзе²². Среди них могут быть названы идеалы верховенства права, демократии и прав человека. С течением времени указанные ценности обрастают многочисленными механизмами защиты, которые носят все более и более инвазивный характер в отношении

²² Consolidated version of the Treaty on European Union // OJ C 326, 26.10.2012, p. 13–390.

конституционного развития отдельных государств-членов. При этом традиционный механизм «серьезного и устойчивого нарушения основополагающих ценностей», знаменитая статья 7 Договора о Европейском союзе, дополняется все новыми и новыми механизмами надзора и принуждения. Апогеем указанного идеологического давления становится Механизм обусловленности верховенством права, который был предусмотрен в 2020 году²³. Он угрожает лишить Венгрию средств Фонда восстановления ЕС, который был создан с целью преодоления последствий пандемии коронавируса, а также иных бюджетных средств, необходимых для реализации мер Союза. Указанное ставит под сомнение саму целесообразность членства Венгрии в ЕС. Польша в качестве штрафных санкций, установленных Судом Европейского союза, за нарушение ценностей верховенства права уже задолжала ЕС более 100 млн евро, и эта задолженность возрастает на 1 млн евро ежедневно.

Обеспокоенность также вызывают положения Договора о Европейском союзе, согласно которым Союз осуществляет международное сотрудничество не для того, чтобы прийти к взаимному согласию с иными цивилизациями и народами, а с целью защиты и «продвижения» собственных ценностей, что прямо закреплено в статье 21 Договора о Европейском союзе. Указанное нельзя назвать не чем иным, как «диктатом ценностей», что имеет под собой конкретные практические последствия. В 2020 году в Европейском союзе были изданы акты Совета²⁴, согласно которым за действия, квалифицируемые Союзом в качестве «серьезных нарушений и злоупотреблений правами человека» (что является весьма оценочным понятием), любой человек в мире

²³ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget OJ L 433I, 22.12.2020, p. 1–10.

²⁴ Council Regulation (EU) 2020/1998 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // OJ L 410I, 7.12.2020, p. 1–12; Council Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 implementing Regulation (EU) 2020/1998 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses ST/6935/2021/INIT // OJ L 99I, 22.3.2021, p. 1–12.

может быть лишен имущества, собственности, доходов и свободы передвижения в Европе. И все это осуществляется вне географической привязки, т.е. представляет собой экстратерриториальное действие актов объединения в отношении частных лиц, без необходимости тщательно квалифицировать, привлекать ли их к международной или внутренней ответственности.

Таким образом, «диктату ценностей» нет места в условиях перезагрузки современного миропорядка и формирования полицентричной архитектуры мироустройства, которая становится неизбежной. И негативный опыт Европейского союза является предупреждением о том, что никакой радикализм, диктат и экстремизм, даже в благих целях, не способствует сохранению мира и повышению благосостояния народов.

* * *

Подводя итог, отметим, что за последние десятилетия серьезной трансформации подверглась вся система права, регулирующая на разных уровнях сферу общественных отношений. Право, творимое законодателями, старается поспевать за стремительными изменениями условий человеческого бытия. Каждая эпоха создавала свои контексты, диктовала праву свои ценностные ориентиры. Право сохраняет свои предшествующие контексты, сумма которых может быть названа памятью права, и в этом смысле оно, как и язык, – код плюс его история. В поисках точек опоры для современного права не будем забывать завет Дмитрия Сергеевича о том, что все достижения цивилизации должны служить благу человека.